

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "БОРОДИН ПРОТИВ РОССИИ"

(Жалоба N 9 41867/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

6 ноября 2012 года

Настоящее постановление вступило в силу 6 февраля 2013 г.

По делу "Бородин против России",
Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой, в состав которой
вошли:

Нина Вайич, Председатель,
Анатолий Ковлер,
Ханлар Гаджиев,
Мирьяна Лазарова Трайковска,
Юлия Лаффранк,
Линос-Александр Сицильянос,
Эрик Мое, судьи,
а также Сорен Нильсен, Секретарь Секции,
проведя 16 октября 2012 года совещание по делу за закрытыми дверями,
выносит следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (N 41867/04) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд 23 сентября 2004 г. в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее именуемой "Конвенция") гражданином Российской Федерации Павлом Александровичем Бородиным (далее - "заявитель").

2. Интересы властей Российской Федерации (далее - "власти") представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. В частности заявитель утверждал, что он подвергся жестокому обращению во время содержания под стражей, что последующее расследование было неэффективным, что он был помещен в одиночную камеру без оказания медицинской помощи; что продолжительность первого этапа судебного разбирательства по его делу была необоснованно длительной и что национальные суды не обеспечили его присутствия на слушании по вопросу его содержания под стражей.

4. 30 января 2009 года жалоба была коммуницирована Властям. Также было решено рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости (пункт 1 статьи 29 Конвенции).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1978 года рождения, в настоящее время отбывает наказание в г. Норильске Красноярской области.

А. Уголовное производство в отношении заявителя

1. Обвинение в совершении непредумышленного убийства<1>

<1> Прим. перевод.: так в тексте постановления. В соответствии с материалами дела уголовное дело возбуждено 13.09.1999 по ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации

6. 13 сентября 1999 года прокурор г. Ангарска возбудил уголовное дело по факту смерти К. По сведениям стороны обвинения, К. погиб после жестокого избиения заявителем, М. и С. В тот же день предполагаемые преступники были задержаны и доставлены в отделение милиции для допроса.

7. По словам заявителя, он быш доставлен в отделение милиции примерно в 8 утра. Сотрудники милиции избивали его, пинали и ударили рукояткой пистолета по лицу, чтобы заставить его признаться в избиении К. Заявитель отказался отвечать на вопросы, ссылаясь на свое конституционное право хранить молчание.

8. 14 сентября 1999 года судебно-медицинский эксперт осмотрел заявителя, обнаружив, что последний имеет рану на губе, которая могла быть нанесена тупым твердым предметом, таким как кулак. Других травм на заявителе обнаружено не было.

9. Через три дня после задержания заявителю было разрешено встретиться с адвокатом.

10. 23 сентября 1999 года прокурор города вынес постановление об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу с учетом тяжести обвинений, выдвинутых в отношении него. Заявитель содержался под стражей до 21 ноября 2003 года, когда он был освобожден под подписку о невыезде.

11. 29 июня 2000 года городской суд получил материалы дела. 13 июля 2000 года дело было передано судье первой инстанции, которая назначила первое слушание на 21 ноября 2000 года. По информации властей, до данной даты график работы судьи был полностью расписан.

12. Что касается хода судебного разбирательства, власти предоставили следующую информацию:

Дата судебного заседания/ события	Основания для переноса
21-23 ноября 2000 года	адвокат М. попросил провести судебно- психиатрическую экспертизу его подзащитного. Судебное заседание было отложено в ожидании проведения экспертизы, которая была проведена 29 августа 2001 года.
С августа 2001 года по 29 сентября 2001 года	Судья суда первой инстанции был в отпуске.
С сентября по 10 декабря 2001 года	Судья первой инстанции ожидала продления срока ее пребывания на данной должности.
29 января 2002 года	Неявка адвоката заявителя в суд. Он не мог принять участие в заседании суда до 9 июля 2002 года.
9-12 июля 2002 года	Дело было возвращено в прокуратуру для получения перевода обвинительного заключения на родной язык С.
26 сентября 2002 года	Областной суд отменил определение суда первой инстанции от 12 июля 2002 года и передал дело для рассмотрения в суд первой инстанции.
3 декабря 2002 года	Адвокат М. не присутствовал на заседании, так как принимал участие в разбирательстве по другому уголовному делу.

24 декабря 2002 года и 28 января 2003 года	Адвокат заявителя не присутствовал на заседании, так как принимал участие в разбирательстве по другому уголовному делу.
29 января 2003 года	Неявка адвоката заявителя в суд.
6-7 февраля 2003 года	Заявитель попросил перенести заседание суда в связи с состоянием его здоровья.
12 и 13 февраля 2003 года	Неявка адвоката заявителя в суд.
1 апреля 2003 года	Адвокат заявителя попросил допросить двух судебно-медицинских экспертов.
3 апреля 2003 года	Судебно-медицинский эксперт С. не присутствовал в связи с состоянием его здоровья.
7-8, 13 и 15 мая 2003 года	Очередные слушания в суде.
20, 27 мая и 3 июня 2003 года	Неявка адвоката заявителя в суд.
4 июня 2003 года	Адвокат заявителя заявил ходатайство о проведении дополнительного судебно-биологической экспертизы.
26 мая - 4 августа 2003 года	Судья была в отпуске.
6 октября 2003 года	Заявителю ходатайствовал о назначении нового адвоката.
9 декабря 2003 года	Суд первой инстанции получил результаты судебно-биологической экспертизы и назначил заседание на 6 января 2004 года.
6 января 2004 года	Один из свидетелей не явился.
15 января 2004 года	Неявка в суд одного из адвокатов защиты.
20 января 2004 года	Суд назначил нового адвоката для С. и принял запрос последнего о переносе заседания для изучения материалов дела.
29 января 2004 года	Адвокат заявителя попросил допросить двух новых свидетелей.
3 февраля 2004 года	Неявка судебного переводчика в суд.
17 февраля 2004 года	Очередное слушание в суде.
20 февраля 2004 года	Неявка матери заявителя в суд.

13. 17 марта 2004 года городской суд признал заявителя виновным в непредумышленном убийстве^{<1>} и приговорил его к десяти годам лишения свободы. В тот же день заявитель был заключен под стражу.

^{<1>} Прим. перевод.: в соответствии с материалами дела заявитель осужден по ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации

14. 27 декабря 2004 года Иркутский областной суд оставил в силе приговор в порядке рассмотрения кассационной жалобы, но сократил срок лишения свободы до семи лет.

2. Обвинения в убийстве

15. 9 июня 2004 года заключенный Г., содержащийся в одной камере с заявителем, был найден в камере мертвым. В соответствии с официальной версией событий, заявитель передал

записку надзирателю Лиг., когда последняя делала обход тюрьмы, попросив ее перевести его из камеры, где он задушил Г.

16. В тот же день районная прокуратура возбудила в отношении заявителя уголовное дело по факту произошедшего. Следователь по делу распорядился о проведении вскрытия тела Г. 10 июня 2004 года следователь сообщил об этом заявителю. В тот же день было осуществлено вскрытие. В соответствии с заключением судебно-медицинского эксперта, Г. умер в результате удушения как минимум за десять часов до вскрытия (10 июня 2004 года в 15.30).

17. 11 июня 2004 года Куйбышевский районный суд вынес постановление об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу. 6 июля 2004 года постановление о заключении под стражу Иркутским областным судом было оставлено без изменений. Впоследствии срок содержания заявителя под стражей продлевался несколько раз.

18. 3 сентября 2004 года следователь распорядился о судебной экспертизе записки, которую, как утверждает, заявитель передал Лиг. Заявитель был уведомлен о постановлении следователя 9 сентября 2004 года. Экспертиза проводилась с 15 по 27 сентября 2004 года. Эксперт подтвердил, что данная записка была написана заявителем.

19. 14 апреля 2005 года районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 21 июля 2005 года. Адвокат заявителя и мать заявителя, действуя в качестве его представителей, подали кассационную жалобу.

20. 19 мая 2005 года, заслушав представителя прокуратуры, областной суд изменил постановление от 14 апреля 2005 года и продлил срок содержания под стражей до 12 июля 2005 года. Ни адвокат заявителя, ни заявитель, ни его мать в заседании не присутствовали.

21. 29 июня 2005 года районный суд признал заявителя виновным в убийстве и приговорил его к двенадцати годам лишения свободы. В ходе судебного разбирательства заявитель отказался давать показания, настаивая на своей невиновности. Суд опирался на свидетельские показания и вещественные доказательства. Двое заключенных, которые содержались под стражей вместе с заявителем, указали, что у него ранее были ссоры с Г., и что они спали во время убийства, поэтому не видели произошедшего. Суд дополнительно опросил Лиг. и других сотрудников, находившихся в следственном изоляторе в ночь убийства Г. Трое из них указали, что заявитель признавался им в том, что он задушил Г.

22. 10 марта 2006 года Иркутский областной суд оставил в силе приговор заявителя в порядке кассационного производства, сократив срок лишения свободы до одиннадцати лет.

В. Предположительно имевшее место жестокое обращение во время содержания под стражей

1. Расследование событий, произошедших 13 сентября 1999 года

23. 20 января 2000 года мать заявителя подала жалобу на то, что заявитель был избит сотрудниками милиции 13 сентября 1999 года.

24. 17 февраля 2000 года помощник прокурора г. Ангарска отказал в возбуждении уголовного дела, не усмотрев, при отсутствии доказательств обратного, случая жестокого обращения. Помощник прокурора заключил, что заявитель уже имел травмы до задержания и что эти травмы были получены в результате драки с К. Помощник прокурора принял постановление, основываясь на судебно-медицинском заключении от 14 сентября 1999 года, показаниях двух сотрудников милиции, обнаруживших тело К. и задержавших заявителя, и нескольких сотрудников милиции и следователей прокуратуры, которые видели заявителя после задержания. Сотрудники милиции отрицали применение силы и настаивали на том, что заявитель мог получить травму губы в ходе драки с К. В своем постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела помощник прокурора также опирался на протокол допроса М., в ходе которого последний признался в драке с К. и подтвердил участие в ней заявителя.

25. 2 октября 2003 года городской суд отменил постановление от 17 февраля 2000 года и указал на необходимость проведения дополнительной проверки в связи с утверждениями заявителя о жестоком обращении. Суд отметил, что следователь не допросил заявителя и определенных свидетелей, включая сотрудников магазина, где заявитель встретил К. и сотрудников милиции, которые могли бы дать показания о том, имел ли заявитель травмы перед задержанием.

26. 2 декабря 2003 года городская прокуратура получила материалы дела из городского суда. 12 декабря 2003 года прокуратура вновь признала необоснованными утверждения заявителя о жестоком обращении с ним со стороны сотрудников милиции и отказала в возбуждении уголовного дела.

27. 31 марта 2005 года постановление от 12 декабря 2003 года было отменено и дано распоряжение о проведении новых проверок по жалобам о жестоком обращении.

28. 9 апреля 2005 года следователь городской прокуратуры вынес постановление, не усмотрев признаков совершения уголовного преступления. Соответствующая часть постановления гласила следующее:

"Милиционер Кул. предоставил объяснения, что утром 13 сентября 1999 года в отделение милиции Юго-Западного округа поступила информация о том, что возле бара "Лагуна" избивают [человека]. Он вместе с сотрудником милиции Ц. прибыл по вызову и осмотрел район возле бара. Он увидел мужчину, лежащего [на земле] и не подающего признаков жизни. Сотрудник милиции З. сообщил [им] о том, что убитый распивал спиртное в сквере возле бара вместе с тремя мужчинами. Они задержали М., С. и [заявителя]... Он заметил кровь на руках [заявителя]... . Он видел [заявителя] раньше; [последний] часто бывал в баре "Лагуна" и был известен своим агрессивным поведением. Он доставил [заявителя] в отделение милиции. По его мнению, [заявитель] был умеренно пьян. [Он] вел себя агрессивно. После того, как задержанные были доставлены в [отделение милиции], они были помещены в камеру. М. и [заявитель] имели царапины и опухоли на лицах. ...

Сотрудник милиции З. указал, что утром 13 сентября 1999 года сотрудники милиции Кул. и Ц. подошли к бару "Лагуна", который находится примерно в 200 метрах от отделения милиции. Они осмотрели район возле бара [и] увидели мужчину без признаков жизни. Три человека были задержаны возле бара, так как они распивали спиртные напитки со скончавшимся. Одежда [заявителя] была в кровавых пятнах.

Дежурный сотрудник... Б. указал, что в 7.30 утра 13 сентября 1999 года М., С. и [заявитель] были доставлены в отделение милиции по подозрению в убийстве. На задержанных были следы побоев. [Они] вели себя агрессивно и использовали непристойные выражения. Во время его нахождения в отделении милиции к ним не применялась сила.

Сотрудник Ц. указал, что он работал... в отделении милиции Юго-Западного округа с 1990 по 2001 год. Он не мог припомнить обстоятельств задержания [заявителя]. Он не помнил обнаружения тела возле бара "Лагуна" и не мог указать никаких подробностей. Он не оказывал физического или психологического воздействия на задержанных, включая [заявителя]. В общем, никто из сотрудников его подразделения не применял физическую силу к задержанным в его присутствии,....

Было невозможно найти и допросить сотрудника милиции М.

Сотрудники отделения милиции Юго-Западного округа из группы по расследованию тяжких преступлений Х., Киц. и Г. указали следующее. Г. находился в очередном отпуске с 28 июля по 27 сентября 1999 года; Х. был на дежурстве и присутствовал, когда были доставлены лица, подозреваемые в убийстве К. Он указал, что у М. были раны на лице. Он работал с подозреваемым С. С другими подозреваемыми он не работал. Киц. опрашивал всех трех [подозреваемых]. Один из них, либо [заявитель], либо М., указал, что он ударил... К. несколько раз. Он не мог указать, кто именно сказал это, так с тех пор прошло достаточно много времени. Он не взял письменных показаний [с задержанных], так как следователь уже приступил к работе [с ними]. Он не применял

физическую силу к задержанным. Он вспомнил, что у одного из задержанных был ушиб и распухшая щека...

Старший следователь городской прокуратуры, Б., указал, что 13 сентября 1999 года он инициировал разбирательство по уголовному делу в связи с убийством К. С., М и [заявитель] были задержаны по подозрению в совершении этого убийства. Ни в ходе задержания, ни после него [заявитель] не жаловался устно или письменно на то, что к нему применялась физическая сила...

Следователь по особо важным делам городской прокуратуры... Н., указал, что 14 сентября 1999 года дело об убийстве К. было передано ему. В тот же день он

допросил М. в присутствии адвоката. М. указал, что он принимал участие в драке с К., С. и [заявителем]. В ходе этой драки К. ударил его ногой в лицо. [Заявитель] отказался от дачи показаний в ходе расследования; [он] не предоставил никаких объяснений и не дал никаких письменных показаний. [Заявитель] не жаловался ему на то, что он был избит в отделении милиций...

В соответствии с заключением N 2594 от 14 сентября 1999 года судебно-медицинского эксперта у [заявителя] было кровоизлияние в слизистую оболочку, сопровождающееся травмой нижней губы, нанесенной тупым объектом, таким как кулак или нога в обуви. [Она] была нанесена примерно сутки назад и не причинила вреда здоровью. При осмотре М. (заключение эксперта N 2599 от 14 сентября 1999 года) у него были обнаружены ссадины на лице и травмы мягких тканей лица и правой руки. Эти травмы могли быть нанесены тупыми объектами, такими как кулак или нога в обуви. [Они] были нанесены примерно сутки назад и не причинили вреда здоровью.

Документы дела включают протокол допроса М., в ходе которого он указал, что ночью 13 сентября 1999 года, он, К., С. и [заявитель] принимали участие в драке, в ходе которой они несколько раз ударили друг друга. Он также указал, что [заявитель] несколько раз ударил К. М. был допрошен в присутствии адвоката. Ему было сообщено о положениях Статьи 51 Конституции Российской Федерации, а именно о том, что он имеет право не свидетельствовать против себя. Тем не менее, М. письменно заявил, что желает сделать заявление. Что касается травм, он указал, что получил их в ходе драки. В ходе допроса он не жаловался на применение к нему физической силы сотрудниками милиции или на то, что он [дал признательные показания] под давлением.

В ходе проверки было установлено, что М. и [заявитель] уже имели травмы до их прибытия в отделение милиции. Травмы, указанные в заключениях судебно-медицинского эксперта, не были нанесены сотрудниками отделения милиции Юго-Западного округа.

Учитывая вышесказанное, жалоба, поданная матерью [заявителя] в отношении того, что сотрудники милиции... превысили свои служебные полномочия, не была подтверждена результатами проверки".

29. 21 апреля 2005 года решение от 9 апреля 2005 года было отменено и было дано распоряжение о проведении дополнительной проверки.

30. 2 мая 2005 года тот же следователь городской прокуратуры, который вынес постановление от 9 апреля 2005 года, отклонил жалобу, отказав в возбуждении уголовного дела. Текст данного постановления от 2 мая 2005 года был практически идентичен тексту постановления от 9 апреля 2005 года.

31. По всей видимости, постановление от 2 мая 2005 года было отменено вышестоящим прокурором и был инициирован новый этап проверок.

32. 24 марта 2006 года следователь городской прокуратуры отказал в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции. Данное постановление частично включало текст постановления от 9 апреля 2005 года, следователь также допросил заявителя и Мар. и Ив., двух женщин, которые работали в баре "Лагуна" в 1999 году. М. не мог вспомнить, имел ли заявитель травмы 13 сентября 1999 года и Ив. указала, что она видела кровь на руках одного из подозреваемых.

33. 23 июня 2006 года городской суд отказал в удовлетворении жалобы, поданной матерью заявителя в отношении происшествия 13 сентября 1999 года. Суд отметил, что утверждения

заявителя о жестоком обращении во время содержания в милиции были рассмотрены и оценены в ходе судебного разбирательства. В соответствии с приговором, заявитель получил травмы в результате драки с К.

34. 24 июля 2006 года городская прокуратура снова отклонила утверждения заявителя о жестоком обращении по тем же причинам, что и ранее.

35. 13 октября 2006 года Иркутский областной суд отменил постановление от 23 июня 2006 года и прекратил разбирательство. Суд отметил, что утверждения заявителя о жестоком обращении подлежали рассмотрению в ходе производства по уголовному делу в отношении него и что городской суд не обладал компетенцией для нового рассмотрения этих утверждений.

2. Инцидент 12 апреля 2002 года и соответствующее расследование

36. Заявитель представил следующее изложение произошедшего 12 апреля 2002 года, когда он находился под стражей в связи с обвинением в непредумышленном убийстве. Группа охранников, возглавляемая капитаном Ал. и майором Мак., вошла в камеру N 40, где содержался заявитель. Надзиратели, избивая ногами и резиновыми дубинками заключенных, принудили их покинуть камеру. В коридоре заявитель увидел около 20-25 охранников, стоящих в два ряда. Заключенным приказали бежать между ними вниз по коридору. Когда заявитель бежал между рядами охранников, он получил несколько ударов резиновой дубинкой по спине и по голове. Затем заключенным пришлось подниматься вверх по лестнице, где охранники продолжали избивать их дубинками. На следующем этаже заявитель снова увидел ряды охранников, между которыми его заставили бежать. В конце коридора им приказали сесть на корточки и оставаться в этом положении, повернувшись лицом к стене. Их продолжили избивать. Охранники также обыскивали заключенных одного за другим. Они обыскали камеру и изъяли личные вещи заключенных, документы, связанные с судебными разбирательствами, письма, фотографии и деньги. 14 апреля 2002 врач при учреждении посетил камеру N 40, но отказался документировать травмы заключенных.

37. 18 апреля 2002 года врач учреждения осмотрел заявителя и не обнаружил никаких травм. Прокурор Ш. присутствовал при осмотре.

38. 24 мая 2002 года прокурор отказал в возбуждении уголовного дела в отношении охранников, не обнаружив, при отсутствии доказательств обратного, доказательства жестокого обращения. Соответствующая часть постановления гласила следующее:

"[Заявитель] и другие заключенные, содержащиеся в камере X 40 (Мал., Куз., См. и Аг.) подтвердили, что 12 апреля 2002 года охранники избили их резиновыми дубинками и что у С. шла кровь горлом. [В соответствии с их показаниями], после обыска камеры пропали определенные личные вещи. Медицинский персонал отказал в документировании травм; жалобы остались без ответа.

В ходе проверки было установлено, что 10 апреля 2002 года двенадцать заключенных, включая [заявителя], были помещены в камеру N 40 после того, как [камера] была отремонтирована. 11 апреля 2002 года при осмотре камеры в стене было обнаружено отверстие, ведущее в камеру N 41. 12 апреля 2002 года ' при обыске камеры N 40 были обнаружены и изъяты запрещенные предметы.

В соответствии со свидетельством, предоставленным администрацией следственного изолятора [резиновые дубинки] 12 апреля 2002 года к [заявителю] и другим заключенным не применялись.

Сотрудники следственного изолятора Мак., Ал., Jl., которых [заявитель] указал как лиц, применявших [резиновые дубинки], объяснили, что 12 апреля 2002 года они не использовали [резиновые дубинки] в отношении [заявителя] или других лиц.

... Мак. указал, что 11 апреля 2002 года в ходе обыска камеры N 40 было обнаружено отверстие в стене, ведущее в камеру N 41. Были проведены допросы... и было установлено, что

отверстие в стене было сделано Куз. 12 апреля 2002 года при посещении камеры он объяснил заключенным процедуру получения компенсации за ущерб. [Резиновые дубинки] не использовались в тюрьме в этот день.

... Ал. указал, что 12 апреля 2002 года при проверке камер [он] вместе с Мак. вошел в камеру N 40, где в нарушение внутреннего регламента простыни и одеяла свешивались со спальных мест и со стен. По [их] приказу простыни были убраны и Мак., [обнаружив] отверстие в стене, пояснил, что дежурный заключенный понесет ответственность за порчу имущества. В этот день, проходя через главное здание, [он] увидел, что сотрудники следственного изолятора проводят обыски в камерах, включая камеру N 40. Заключенных попросили выйти из камеры... и они подверглись частичному личному обыску. [Резиновые дубинки] не использовались в отношении кого-либо. Личные вещи, разрешенные в соответствии с внутренним регламентом, не были изъяты.

... Л. отметил, что ни он, ни другие охранники не использовали [резиновые дубинки] в отношении заключенных 12 апреля 2002 года.

... Г. указал, что 12 апреля 2002 года он вместе с группой [сотрудников] проводил обыск в камере N 40. Дежурный заключенный присутствовал в камере при обыске. Запрещенные предметы, перечисленные в отчете, были изъяты в ходе обыска. Личные вещи не изымались.

В соответствии с отчетом об изъятии запрещенных предметов от 12 апреля 2002 года, заточенный металлический предмет, карты и другие незаконные предметы были изъяты из камеры N 40. Дежурный заключенный Мал. отказался подписать отчет.

... Врач Ж., дежурившая с 16.00 12 апреля 2002 года до 8.00 13 апреля 2002 года, указала, что по запросу администрации следственного изолятора она осмотрела троих заключенных, которые попросили об осмотре в связи с возможными травмами. Она не сделала никаких записей в... журнале ввиду отсутствия травм; она не помнит фамилий тех заключенных... Никакой медицинской помощи заключенному С. не предоставлялось....

Как указано в выписке из... журнала, в него не было внесено никаких записей в период с 12 по 14 апреля 2004 года.

... Врач Сп. и санитар Сид. указали, что... с 14 по 15 апреля 2002 года от заключенных, содержащихся в камере N 40, не поступало никаких просьб и они не разговаривали с [заключенными].

Вышеприведенные заявления не подтверждают утверждения [заявителя] о . . . том, что 14 апреля 2002 года... дежурный врач пришла в их камеру и видела травмы, но отказалась их документировать.

После распоряжения осуществляющего надзор прокурора 18 апреля 2002 года [заявитель] был осмотрен в медицинской части следственного изолятора. Никаких травм не было обнаружено..."

39. 4 декабря 2003 года Кировский районный суд г. Иркутска установил, что первоначальная проверка по жалобам заявителя на жестокое обращение была неполной, отменил постановление от 24 мая 2002 года и распорядился о проведении дополнительной проверки. В частности, районный суд указал, что органы прокуратуры не допросили всех заключенных, содержащихся в камере N 40, и всех охранников, присутствовавших при обыске. 24 марта 2004 года областной суд оставил без изменения постановление, принятое 4 декабря 2003 года в кассационного производства.

40. 6 мая 2004 года заместитель прокурора области вновь отказал в возбуждении уголовного дела по жалобе заявителя на жестокое обращение. Постановление заместителя прокурора было основано на том же доказательстве, что и постановление от 24 мая 2002 года. Кроме того, заместитель прокурора сослался на заявления двух заключенных, один из которых подтвердил, что избиения имели место, в то время как другой не присутствовал при обыске. Он также отметил, что невозможно установить личность всех заключенных, содержащихся 12 апреля 2002 года в камерах N 40 и 41.

41. 2 августа 2004 года Кировский районный суд признал законным постановление от 6 мая 2004 года, считая, что органы прокуратуры провели всестороннюю проверку в ответ на

утверждения заявителя, устранили ошибки, которые районный суд указал в своем постановлении от 4 декабря 2003 года, и надлежащим образом оценили собранные доказательства. Заявитель и его мать, действующая в качестве его представителя, присутствовали на данном заседании. 29 декабря 2004 года Иркутский областной суд оставил в силе постановление от 2 августа 2004 года в порядке кассационного производства.

3. События 14 октября 2002 года и соответствующее расследование

42. 14 октября 2002 года сотрудник В. должен был конвоировать заявителя на встречу с его адвокатом. Как указано в отчете, в последующем составленном В., когда он хотел обыскать заключенного, последний отказал ему в этом и "начал размахивать руками и кричать". В. предупредил заявителя, что если тот откажется подчиниться, в отношении него может быть применена резиновая дубинка с целью подчинить его. Заявитель игнорировал предупреждение В. и продолжил "размахивать руками и кричать". В. ударил заявителя один раз по спине. Заявитель дал свое согласие на обыск. В. вызвал врача, который осмотрел заявителя и отметил кровоподтек на его левой лопатке.

43. 16 октября 2002 года заявитель был осмотрен врачом учреждения, который пришел к выводу, что заявитель здоров.

44. 21 октября 2002 года надзиратель распорядился о заключении заявителя на пять дней в дисциплинарную камеру за отказ выполнить приказ охранника по прохождению личного обыска 14 октября 2002 года.

45. Заявитель и его мать пожаловались на избиения прокурору, осуществляющему надзор.

46. 19 ноября 2002 года прокурор, осуществляющий надзор, отправил заявителю письмо о том, что его жалобы были рассмотрены и отклонены как необоснованные.

47. 22 ноября 2002 года заявитель был осмотрен врачом Сл., координатором Medecins Sans Frontieres (Врачи без границ) в России, частной международной гуманитарной организации, в присутствии матери заявителя и врача учреждения Мак. Предварительный диагноз заявителя включал, среди прочего, трещины в пятом и шестом шейных позвонках, остеохондроз шейного отдела позвоночника и травму поясничного отдела позвоночника с возможной травмой органов брюшинного пространства. Эксперт отметил, что дополнительные медицинские процедуры, включая рентгенологическое обследование и обследования другими специалистами, были необходимы для подтверждения предварительного диагноза. Эксперт также рекомендовал, чтобы заявитель соблюдал постельный режим и носил корсет и ортопедический воротник.

48. 25, 26 и 28 ноября 2002 года врачи-терапевты следственного изолятора осмотрели заявителя. 28 ноября 2002 года заявитель консультировался с хирургом, невропатологом и специалистом по рентгенологическому обследованию в следственном изоляторе. Невропатолог диагностировал у него вертеброгенную цервикалгию. В соответствии с данными рентгенологического обследования, не было обнаружено никаких нарушений в шейном отделе позвоночника, и был диагностирован начальный остеохондроз в поясничном отделе позвоночника. Заявителю не разрешили посмотреть рентгеновские снимки.

49. 3 декабря 2002 года в ходе судебного слушания для заявителя был вызван врач скорой помощи в ответ на его жалобы на острую боль в спине и в шее. Врач скорой помощи диагностировал у заявителя "закрытый перелом пятого и шестого шейных позвонков [и] закрытый перелом поясничного отдела позвоночника ([полученные] в 1999, 2000, 2002 годах)" и сделал ему обезболивающий укол.

50. 4 декабря 2002 года заявитель был помещен в больницу следственного изолятора, где он прошел обследование и лечение. Предварительный диагноз перелома позвонков не был подтвержден. Хирург диагностировал у него остеохондроз и невропатолог подтвердил диагноз вертеброгенной цервикалгии. Заявитель также страдал бронхитом и кариесом. Он был выписан из больницы в неустановленную дату и ему было назначено амбулаторное лечение.

51. В тот же день Кировский районный суд установил, что прокурор не вынес официального решения, содержащего его выводы в ответ на жалобы заявителя и не распорядился о проведении официального расследования по жалобам о жестоком обращении.

52. 16 января 2003 года частный врач осмотрел заявителя и выдал справку, в которой указано, что заявитель нуждается в лечении у мануального терапевта в связи с "подозрением на консолидированный перелом острого отростка". Врач заключил, что заявитель страдал от посттравматических болей в шейном отделе позвоночника.

53. С 21 по 24 января 2003 года заявитель проходил дальнейшее обследование в неврологическом отделении муниципальной больницы, где ему был диагностирован остеохондроз шейного и поясничного отделов позвоночника.

54. 6 мая 2004 года заместитель областного прокурора отказал в возбуждении уголовного дела в отношении В., постановив, что применение силы к заявителю было законным. Соответствующая часть постановления заместителя прокурора гласила следующее:

"14 октября 2002 года, примерно в 11.50, в соответствии с пунктом 2 раздела 29 внутреннего регламента сотрудник В. попросил [заявителя] предоставить его личные вещи для обыска перед конвоированием на встречу с его адвокатом... [Заявитель] отказался выполнить законные требования сотрудника [и] начал кричать и размахивать руками, чтобы воспрепятствовать обыску. [Заявитель] не реагировал на повторяющиеся приказы прекратить незаконные действия и предупреждения об использовании [резиновой дубинки] в случае, если

заявитель будет препятствовать обыску. Для того, чтобы заставить его подчиниться законным приказам, сотрудник В. использовал резиновую дубинку в отношении [заявителя] в соответствии с параграфом 3 Статьи 45 Федерального закона... - [он] ударил [заявителя] один раз по спине. Затем [заявитель] прекратил свои незаконные действия; он был осмотрен врачом учреждения К., который документировал, что у [заявителя] имелся бледно-розовый кровоподтек длиной 5 сантиметров на левой лопатке, что не причиняло никакого вреда его здоровью. Администрация следственного изолятора провела официальную проверку данного происшествия; использование [резиновой дубинки] сотрудником В. было признано законным...

[Непосредственный начальник В.], Мак. указал, что... 14 октября 2002 года... В. доложил ему о применении [резиновой дубинки] в отношении [заявителя] в связи с отказом последнего от выполнения законных распоряжений... Была проведена официальная проверка произошедшего...

... В. указал, что когда он дежурил 14 октября 2002 года, в первой половине дня [заявителя] конвоировали... для встречи с адвокатом; он попросил [заявителя] предоставить личные вещи для обыска, в чем последний отказал и начал размахивать руками. [Заявитель] не реагировал на повторные предупреждения о том, что будет использована резиновая дубинка. После того, как [заявителю] было предоставлено достаточно времени для выполнения законных требований, В. один раз ударил его по спине резиновой дубинкой, чтобы прекратить его незаконные действия в соответствии с пунктом 5 раздела 45 Федерального закона; ... [заявитель] был осмотрен врачом и конвоирован на встречу с адвокатом. В ходе осмотра врач К. зафиксировал наличие у [заявителя] кровоподтека в области лопаток и составил справку по данному факту.

В соответствии с... отчетом К., 14 октября 2002 года, примерно в 12.30 он осмотрел [заявителя] после того, как в его отношении была применена [резиновая дубинка], и зафиксировал бледно-розовый кровоподтек размером 5 сантиметров в левой части области лопаток, который не причинял вреда его здоровью.

Как указано в медицинском отчете, подготовленном медицинским координатором Medecins Sans Frontieres (Врачи без границ) С. после осмотра [заявителя] 22 ноября 2002 года и предоставленном [матерью заявителя], у [заявителя] имелись трещины в пятом и шестом шейных позвонках и травма поясничного отдела позвоночника. Ссылаясь на эти [травмы], [заявитель и его мать] утверждали, что [заявитель] были избит сотрудниками учреждения. Тем не менее, в соответствии с заключением судебно-медицинского эксперта 29 апреля 2004 года на основании поданных [для проверки данным экспертом] документов (свидетельство и отчет, предоставленные

врачом К., медицинская карточка [заявителя], отчет [медицинского координатора] С., врачебное заключение от 3 декабря 2002 года и заключение от 24 декабря 2002 года, выданное травматологическим отделением городской больницы г. Ангарска), у [заявителя] имелся кровоподтек на левой лопатке. Данная травма была нанесена тупым предметом, возможно, 14 октября 2002 года и не причинила вреда его здоровью. Медицинские документы, поданные [для рассмотрения экспертом], не содержали никаких данных, подтверждающих, что [заявителю была нанесена] травма шейного отдела позвоночника ([заявитель] отказался от прохождения дополнительного рентгенологического обследования), что соответствует заключениям следствия".

55. 2 августа 2004 года Кировский районный суд оставил в силе постановление от 6 мая 2004 года, указав следующее:

"Аргументы, приведенные [заявителем и его матерью], были опровергнуты материалами, собранными в ходе следствия. В то время как, действительно, заключения... были основаны на заявлениях сотрудников следственного изолятора, из постановления [от 6 мая 2004 года] и материалов расследования следует, что эти заявления были подтверждены записями, отчетами, актами и другими документами. Суд соответственно устанавливает, что утверждения [заявителя] о неэффективности расследования были необоснованными".

56. Областной суд оставил в силе постановление от 2 августа 2004 года по итогам рассмотрения кассационной жалобы.

4 События 5 августа 2003 года и последующее расследование

57. 5 августа 2003 года заявитель поссорился с сотрудником изолятора Л. В соответствии с показаниями заявителя, Л. бил его в отместку за его жалобы на сотрудников учреждения. Как утверждается, охранник Ст. был свидетелем избиения.

58. В ответ на жалобы заявителя на избиение, областной прокурор провел проверку. 8 августа 2003 года он отказал в возбуждении уголовного дела в отношении Л., не обнаружив, с учетом отсутствия доказательств обратного, доказательства жестокого обращения. Соответствующая часть постановления гласила следующее:

"В соответствии с жалобой [заявителя], 5 августа 2003 года, после его встречи со [своей матерью], сотрудник изолятора отвел его в камеру временного содержания, где ему следовало ждать перевода в его камеру. Примерно в 11.00 ... пришел ЛТ. и забрал [заявителя] в кабинет... Л. критиковал жалобы [заявителя] на сотрудников изолятора, утверждая, что он может делать что угодно... Он ударил [заявителя] рукой в грудь три раза и пинал его... В это время в кабинет вошел сотрудник Ст. и увидел, как Л. бил [заявителя]. ... Л. сказал, что найдет ~ ? причину для того, чтобы [заявитель] понес ответственность [за данное происшествие], и начал составлять рапорт, утверждая, что ему пришлось применить силу в отношении [заявителя], так как последний отказался выполнять законные требования администрации изолятора. Данный рапорт был засвидетельствован сотрудниками Ст. и Т. После этого [заявитель] был доставлен в свою камеру. Он был осмотрен врачом в 15.00 ...

Проведенная проверка не подтвердила утверждений заявителя.

... Сотрудник И. указал, что 5 августа 2003 года... после встречи [заявителя] со своей матерью он отвел [заявителя] в камеру временного содержания для обыска с целью обеспечения его безопасного перевода в собственную камеру. Тем не менее, [заявитель] отказался от обыска, утверждая, что обыск следует проводить перед его собственной камерой... Когда И. разговаривал с [заявителем], появился другой сотрудник. И не знал его фамилии. Данный сотрудник хотел узнать причину их спора. Затем он велел И. привести заявителя в кабинет. И выполнил этот приказ и ушел...

... Л. указал, что... И. сказал ему об отказе [заявителя от обыска]... Вместе с И. он отвел [заявителя] в кабинет, где попросил [заявителя] пройти обыск.

[Заявитель] отказался... Он сообщил [заявителю], что в соответствии с приказом Министерства юстиции, все заключенные подлежат обыску после встречи с представителем. После этого Л. попросил [заявителя] снять свою куртку и подготовиться к обыску. Заявитель отказался выполнить это. Тогда Л. подошел ближе к [заявителю] и начал расстегивать его куртку... [Заявитель] схватил правую руку Л., оторвав одну из пуговиц на рубашке Л. и противясь проведению обыска. Л... держал [заявителя] за руку, завернув ее за спину и прижав [заявителя] к полу. Затем он обыскал [заявителя] и обнаружил у него [несколько] писем в полиэтиленовом пакете. Немедленно после этого в кабинет был приглашен врач для осмотра [заявителя]... Тем не менее, когда прибыл врач, [заявитель] отказался от осмотра, утверждая, что все в порядке и что он не имеет жалоб на администрацию следственного изолятора. Примерно в 15.20 [заявителя] осмотрел [врач]. Л. не присутствовал.

Сотрудники Ст. и Т. сделали аналогичные пояснения.

Согласно протоколу освидетельствования от 6 августа 2003 года, [заявитель] был осмотрен в присутствии [его матери]. На левом предплечье у него был кровоподтек размером 3 см на 1,5 см. Других травм обнаружено не было. В соответствии с медицинской карточкой [заявителя]... с 6 по 7 августа 2003 года [заявитель] находился в больнице, где он был осмотрен невропатологом. [Заявитель] жаловался на тошноту и головную боль. Было принято решение, что заявитель не нуждается в дальнейшем стационарном лечении. Он был выписан...

Врач Ч. указала, что 5 августа 2003 года в 15.20... она осмотрела [заявителя]... Она не видела никаких кровоподтеков... на нем. Он не жаловался на свое состояние.

Заключенный Тер. указал, что он содержался... вместе с [заявителем] в камере N 207. 5 августа 2003 года [заявителя] выводили из камеры до и после обеда. [Тер.] не заметил никаких травм у [заявителя]. 6 августа 2003 года он заметил, что заявитель интенсивно чесал свое левое предплечье. После этого его предплечье покраснело. После обеда [заявитель] был уведен в камеру на 1-2 часа. Затем он вернулся, собрал вещи и сказал, что его направили в больницу.

Заключенные Лук. и Г. дали аналогичные пояснения.

В соответствии с рапортом фельдшера Ер. 5 августа 2003 года ее вызвали в кабинет N 2 для осмотра [заявителя]. Тем не менее, заявитель не дал согласия на осмотр. Он также заявил, что не имеет жалоб к администрации следственного изолятора.

59. 4 декабря 2003 года Кировский районный суд оставил в силе постановление от 8 августа 2003 года. Суд счел применение силы к заявителю законным. Он также оставил в силе ранее вынесенное прокурором постановление о том, что заявитель сам нанес себе кровоподтек на левом предплечье. 24 марта 2004 года Иркутский областной суд в порядке кассационного производства оставил без изменения постановление от 4 декабря 2003 года.

С. Условия содержания под стражей

1. Содержание под стражей в следственном изоляторе N ИЗ-38/1 в г. Иркутске с 26 сентября 1999 года по 21 ноября 2003 года

60. Заявитель содержался под стражей в следственном изоляторе НИЗ-Э8/1 в г. Иркутске с 26 сентября 1999 года по 21 ноября 2003 года. По утверждению заявителя, камеры в следственном изоляторе были переполнены. Поскольку количества спальных мест часто не хватало, заключенным приходилось спать по очереди. Никакой медицинской помощи не предоставлялось. Его соответствующие жалобы администрации изолятора и в прокуратуру были безрезультатными.

61. В январе 2003 года заявитель был переведен в больницу N 2 исправительной колонии г. Ангарска, где, как утверждает, он находился несколько дней в камере для ВИЧ-инфицированных заключенных. Затем он был переведен в другую камеру, где содержался вместе с заключенным, болеющим сифилисом.

62. 27 января 2003 года заявитель был переведен назад в следственный изолятор. В ходе транспортировки, как утверждается, ему было запрещено надеть теплую одежду.

2. Одиночное заключение

63. После убийства Г., 18 июня 2004 года заключенные Б., Н. и В. пожаловались администрации изолятора, что присутствие заявителя в камере является угрозой Их жизни и здоровью. Они утверждали, что заявитель сообщил им о том, что он может убить кого-нибудь еще "для своей коллекции".

64. В тот же день начальник изолятора распорядился о помещении заявителя в одиночную камеру, где заявитель содержался до 22 марта 2006 года.

65. По информации властей, заявитель содержался в надлежащих условиях. Предоставленное ему личное пространство превышало национальные стандарты площади в 1,5-2 раза. Ему было предоставлено спальное место. Заявитель имел возможность регулярно видеться с невропатологом по вопросу его шейных позвонков и остеохондроза. Заявитель также лечился от бронхита и за его состоянием велся контроль в периоды, когда он объявлял голодовку. Один раз он консультировался у психиатра. В течение указанного периода у него было 111 встреч с его адвокатом и его матерью.

66. В соответствии с показаниями заявителя, он был помещен в одиночную камеру с целью унижить его и опозорить. Как утверждается, сотрудник изолятора сообщил заявителю, что человека, находящегося в одиночном заключении, убить легче. Здоровье заявителя значительно ухудшилось во время содержания под стражей. У него было несколько нервных срывов; тем не менее, ему не было оказано никакой медицинской помощи. Заявитель безуспешно жаловался в различные инстанции на свое одиночное заключение.

D. Жалобы на должностных лиц

67. Несколько раз мать заявителя безуспешно обращалась в прокуратуру с ходатайством о возбуждении уголовных дел в отношении различных должностных лиц, включая прокуроров, следователей, экспертов и судей, утверждая, что они не исполняют своих обязанностей.

68. В 2007 году мать заявителя подала жалобу в районный суд на бездействие со стороны прокуратуры в отношении наказания лиц, превысивших свои полномочия. 11 января 2007 года Иркутский областной суд в последней инстанции прекратил рассмотрение данной жалобы, постановив, что она была рассмотрена ранее, и отклонил ее окончательным судебным решением.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

A. Федеральный закон о содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в уголовных преступлениях

1. Одиночное заключение

69. Заключенный может быть помещен в одиночную камеру на срок более одного дня в соответствии с обоснованным решением начальника места содержания под стражей, подлежащего утверждению прокурором. В случае, когда заключенный представляет угрозу безопасности других, начальник места содержания под стражей имеет право принимать такое решение без последующего утверждения прокурором (раздел 32).

2. Применение силы

70. Физическая сила в отношении заключенных может применяться с целью прекращения их ненадлежащего поведения или сопротивления законным распоряжениям должностных лиц места содержания под стражей, если варианты без применения силы не возможны (раздел 44).

71. Резиновые дубинки могут применяться к заключенным в следующих обстоятельства (статья 45):

- (1) для прекращения нападения заключенного на сотрудника места содержания под стражей;
- (2) для пресечения массовых беспорядков или групповых нарушений общественного порядка;
- (3) для прекращения ненадлежащего поведения заключенного при сопротивлении законным приказам сотрудников места содержания под стражей;
- (4) для освобождения заложников;
- (5) для предотвращения попытки заключенного к бегству; или
- (6) для предотвращения попытки заключенного причинить вред окружающим.

В. Расследование уголовных преступлений

72. В ответ на жалобу, в которой утверждается об уголовном преступлении, следователь обязан проверить факты, о которых сообщается в жалобе (Статья 144 нового Уголовно-процессуального кодекса).

73. Если имеются достаточные основания полагать, что преступление было совершено, следователь возбуждает уголовное дело (Статья 145 нового Уголовно-процессуального кодекса).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ЖЕСТОКИМ ОБРАЩЕНИЕМ В ЗАКЛЮЧЕНИИ

74. Заявитель жаловался, что 13 сентября 1999 года, 12 апреля и 14 октября 2002 года и 5 августа 2003 года он подвергался жестокому обращению в заключении и что последующее расследование не было эффективным, что противоречит статье 3 Конвенции, которая гласит следующее:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

А. Приемлемость

75. Суд отмечает, что в данной части жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Общие принципы

(а) Предполагаемое жестокое обращение

76. Суд неоднократно указывал на то, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Даже при самых сложных обстоятельствах, таких, как борьба с терроризмом и организованной преступностью, Конвенция

категорически запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения потерпевшего (см. среди прочих прецедентов, вышеуказанное постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Набита против Италии" (*Labita v. Italy*), пункт 119, ЕСПЧ 2000-IV, и "Сельмуни против Франции" (*Selmouni v. France*), жалоба N 25803/94, пункт 95, ЕСПЧ 1999-V).

77. Европейский Суд далее напоминает, что утверждения о жестоком обращении должны быть подкреплены соответствующими доказательствами. Для оценки доказательств Суд применяет критерий доказанности "вне всякого разумного сомнения", но добавляет, что такая доказанность может появиться в результате существования достаточно веских, ясных и согласованных выводов или подобных презумпций факта (см. дело Набиты, указанное выше, пункт 121).

78. Если имеются отдельные жалобы о травмах в результате жестокого обращения в заключении, власти обязаны предоставить полные и исчерпывающие объяснения о причинах травм (см. дело "Рибич против Австрии" (*Ribitsch v. Austria*), от 4 декабря 1995 г., пункт 34, Серии А N 336).

79. В контексте ситуации задержанных, Суд подчеркнул, что содержащиеся под стражей лица находятся в уязвимом положении, и что в обязанность властей входит защита их физического благополучия (см. дело "Тарариева против России" (*Tarariyeva v. Russia*), жалоба N4353/03, пункт 73, ЕСПЧ 2006-XV (извлечения); "Сарбан против Молдовы" (*Sarban v. Moldova*), жалоба N3456/05, пункт 77, от 4 октября 2005 г.; и "Муизель против Франции" (*Mouisel v. France*), жалоба N67263/01, пункт 40, ЕСПЧ 2002-IX). В отношении лица, лишенного свободы, любое применение физической силы, которое не было обусловлено его собственным поведением, унижает человеческое достоинство и, в принципе, представляет собой нарушение права, закрепленного в статье 3 Конвенции (см. дело "Шейдаев против России" (*Sheydayev v. Russia*), жалоба N 65859/01, пункт 59, от 7 декабря 2006 г., и дело Рибича, упомянутое выше, пункт 38). Бремя доказательства ложится на властей, которые обязаны предоставить убедительные аргументы того, что применение силы, которое привело к травмированию заявителя, не было чрезмерным (см. к примеру <<"Дзвонковский против Польши" (*Dzwonkowski v. Poland*), жалоба N 46702/99, пункт 51, 12 апреля 2007 года).

(b) Адекватность расследования

80. Суд повторяет, что когда гражданин представляет спорное утверждение о том, что он был подвергнут жестокому обращению в нарушение статьи 3, это положение, понимаемое в сочетании с общей обязанностью властей в соответствии со статьей 1 Конвенции "обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции", предполагает необходимость проведения эффективного официального расследования. Это расследование должно привести к идентификации и наказанию виновных (см. "Ассенов и другие против Болгарии" (*Assenov and Others v. Bulgaria*), 28 октября 1998 года, пункт 102, Сборник судебных решений 1998--VIII).

81. Обязательство по проведению расследования - это "не обязательство получить результат, а обязательство принять меры": не каждое расследование обязательно должно быть удачным или приводить к результатам, подтверждающим изложение фактов заявителем; однако оно должно, в принципе, вести к выяснению обстоятельств дела и, если жалобы оказались обоснованными, к установлению и наказанию виновных (см. постановление Европейского Суда по делу "Пол и Одри Эдварде против Соединенного Королевства" (*Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*), жалоба N 46477/99, пункт 71, ЕСПЧ 2002-И, и постановление Европейского Суда по делу "Махмут Кайя против Турции" (*Mahmut Kay a v. Turkey*), жалоба N 22535/93, пункт 124, ЕСПЧ 2000-III).

82. Расследование, проводимое на основании серьезных обвинений в жестоком обращении, должно быть тщательным. Это означает, что власти всегда должны предпринимать серьезные

попытки для установления того, что произошло, и не должны полагаться на поспешные или необоснованные выводы для прекращения расследования или в качестве основания для своих решений (см. дело Ассенова и других, указанное выше, пункты 103 и далее). Они должны принимать все возможные разумные и доступные им меры для получения доказательств по делу, включая, среди прочего, показания свидетелей и данные судебной экспертизы (см., с необходимыми изменениями, дело "Салман против Турции" (Salman v. Turkey) [GC], жалоба N 21986/93, пункт 106, ECHR 2000-VII; дело "Танрикулу против Турции" (Tanrikulu v. Turkey) [GC], жалоба N 23763/94, пункты 104 и далее, ЕСПЧ 1999-IV; и "Тюль против Турции" (Gut v. Turkey), жалоба N 22676/93, пункт 89, 14 декабря 2000 г.). Любой недостаток расследования, снижающий вероятность установления причины травм или определения виновных лиц, может привести к отступлению от данного стандарта.

83. Кроме того, расследование должно быть безотлагательным. В случаях, в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции, когда эффективность официального расследования находится под вопросом, Суд зачастую оценивал оперативность реагирования властей на жалобы в соответствующий момент времени (см. дело Набиты, упоминаемое выше, пункты 133 и далее). При этом учитывается начало расследований, задержки при принятии заявлений (см. дело "Тимурташ против Турции" (Timurtas v. Turkey), жалоба 23531/94, пункт 89, ЕСПЧ 2000-VI, и дело "Текин против Турции" (Tekin v. Turkey), 9 июня 1998 г., пункт-67, Сборник 1998-IV), а также время, которое занимает предварительное расследование (см. дело "Инделикато против Италии" {Indelicato v. Italy}, жалоба N 31143/96, пункт 37, от 18 октября 2001 г.).

2. Применение вышеуказанных принципов в настоящем деле

(а) События 13 сентября 1999 года

(а) Замечания сторон

84. Власти утверждали, что жалобы заявителя на жестокое обращение были тщательно проверены национальными органами и были признаны необоснованными. Расследование, проведенное властями, было своевременным и полным. Прокуратура опросила многочисленных свидетелей и получила и рассмотрела данные судебной экспертизы. Утверждения заявителя о том, что он был избит пятью или шестью сотрудниками милиции (которые били его руками и ногами), были опровергнуты данными судебной медицинской экспертизы, в которых указана только небольшая травма нижней губы заявителя, которая по своему характеру незначительна и не повлекла для него каких-либо проблем со здоровьем.

85. Заявитель продолжал настаивать на своей жалобе.

(и) Оценка Суда

(а) Предполагаемое жестокое обращение

86. Что касается утверждений заявителя о том, что после его задержания 13 сентября 1999 года он был жестоко избит сотрудниками милиции (см. параграфы 7 и 23-35 выше), Суд отмечает, что медицинские доказательства, предоставленные сторонами, убедительно демонстрируют, что заявитель получил травму в день задержания. Суд полагает, что полученные заявителем телесные повреждения, сами по себе, были достаточно тяжелыми. Соответственно, перед Судом в данном случае стоит вопрос, должны ли власти нести в связи с этим ответственность в соответствии со статьей 3 Конвенции.

87. Принимая во внимание материалы, находящиеся в его распоряжении, и доводы сторон, Суд ответит на этот вопрос отрицательно. По мнению Суда, власти выполнили свое обязательство

по предоставлению удовлетворительного и убедительного объяснения в отношении травмы заявителя.

88. Суд принимает объяснение властей о том, что заявитель получил травму в ходе драки с К. Их аргумент обоснован доказательствами, собранными и исследованными национальными органами в ходе последующего расследования и судебного разбирательства. В связи с этим, Суд повторяет, что если имело место внутригосударственное разбирательство, в задачу Суда не входит замена своей собственной оценкой оценку фактов национальных судов, и, как правило, именно эти суды и должны оценивать представленные им доказательства (см. дело "Клаас против Германии" (*Klaas v. Germany*), 22 сентября 1993 года, пункт 29, Серия А N 269). Хотя Суд не ограничен выводами, сделанными национальными судами, в нормальных обстоятельствах необходимо наличие убедительных аргументов для отклонения от выводов относительно фактических обстоятельств дела, к которым пришли эти суды (см. дело "Матко против Словении" (*Matko v. Slovenia*)), жалоба N 43393/98, пункт 100, 2 ноября 2006 г.). Если обвинения предъявляются в соответствии со статьей 3 Конвенции, Европейский Суд должен очень внимательно рассмотреть дело (см., с необходимыми изменениями, дело Рибича, упомянутое выше, пункт 32).

89. Суд отмечает, что в ходе судебного разбирательства в Страсбурге не было представлено каких-либо материалов, которые бы могли поставить выводы властей под сомнение и придать дополнительный вес утверждениям заявителя. Суд не усматривает в его утверждениях убедительных аргументов для того, чтобы отклонить выводы относительно фактических обстоятельств дела, к которым пришли власти.

90. Соответственно, отсутствует нарушение статьи 3 Конвенции в отношении предполагаемого жестокого обращения со стороны сотрудников милиции 13 сентября 1999 года.

(b) Адекватность расследования

91. Тем не менее, Суд считает, что медицинские доказательства и тот факт, что заявитель получил травму в день задержания, приводят к возникновению обоснованных подозрений о том, что полученные им травмы могли быть нанесены милицией. Соответственно, Суд удовлетворен тем фактом, что заявитель подал доказуемую жалобу о предполагаемом жестоком обращении и в связи с этим власти были обязаны провести официальное расследование.

92. Суд далее отмечает, что прокуратура своевременно отреагировала на жалобу, поданную матерью заявителя 20 января 2000 года, и провела расследование в ответ на ее утверждения о том, что ее сын был избит после задержания.

93. Суд также принимает тот факт, что власти приняли все меры, необходимые для разъяснения обстоятельств задержания заявителя и приведших к нему событий. Они собрали данные судебно-медицинские доказательства и - допросили заявителя, предполагаемых преступников и свидетелей. Тем не менее, Суд не убежден, что продолжительность расследования, осуществленного властями, соответствует стандартам, предусмотренным прецедентной практикой Суда в отношении эффективности расследования в соответствии со статьей 3 Конвенции.

94. В данном случае расследование заняло у властей почти шесть лет и девять месяцев. В течение этого периода отказ прокуратуры в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции постоянно отменялся вышестоящим прокурором или судом по причине непринятия прокуратурой всех мер, необходимых для завершения расследования. Суд считает, что факты таких передач дела на новое рассмотрение свидетельствуют о серьезных недостатках уголовного расследования, которые непоправимо затягивали разбирательство.

95. Изложенных выше соображений достаточно, чтобы позволить Суду прийти к выводу о том, что власти не отреагировали на жалобу заявителя о предполагаемом жестоком обращении со

степенью внимания, требуемой в соответствии со статьей 3 Конвенции. Таким образом, имело место нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции.

(b) События 12 апреля 2002 года

(a) Замечания сторон

96. Государство оспорило правдивость утверждений заявителя. Власти надлежащим образом провели расследование в ответ на жалобу заявителя, в соответствии со стандартами, предусмотренными

Конвенцией. Расследование не подтвердило утверждений заявителя о жестоком обращении.

97. Заявитель настаивал, что 12 апреля 2002 года сотрудники изолятора избили его и других заключенных резиновыми дубинками или подвергли их жестокому обращению (см. параграфы 36-41 выше).

(и) Оценка Суда

(a) Предполагаемое жестокое обращение

98. Суд отмечает, что стороны представили различные версии событий 12 апреля 2002 года. Заявитель утверждал, что во время обыска камеры, в которой он содержался, он и другие заключенные были избиты сотрудниками следственного изолятора с помощью резиновых дубинок. Власти отрицали утверждения заявителя, ссылаясь на медицинские заключения, в соответствии с которыми на теле заявителя не было травм. Несмотря на тот факт, что заявитель представил достаточно подробное описание событий 12 апреля 2002 года, Суд не в состоянии на основании предоставленных материалов установить, с учетом отсутствия доказательств обратного, что заявитель подвергался жестокому обращению.

99. Врачи следственного изолятора не задокументировали никаких травм у заявителя или других заключенных. Заявитель не предоставил других доказательств, таких как заявления его адвоката, его матери или других заключенных, для подтверждения его версии событий. Суд не усматривает ничего в имеющихся материалах, что позволило бы предположить, что выводы властей в отношении утверждений заявителя были необоснованными или не имели доказательной базы.

100. Отсюда следует, что нарушение материально-правового аспекта статьи 3 Конвенции отсутствует.

(b) Адекватность расследования

101. Суд отмечает, что в ответ на жалобу заявителя на жестокое обращение, которое предположительно имело место 12 апреля 2002 года, власти провели официальную проверку. Утверждения заявителя о жестоком обращении проверялись прокуратурой и впоследствии судами двух уровней юрисдикции. Окончательное постановление по данному вопросу было принято 29 декабря 2004 года.

102. По мнению Суда, власти приняли все необходимые меры для проверки достоверности предъявленных заявителем обвинений. Они допросили заявителя, заключенных, которые содержались вместе с ним, сотрудников и медицинский персонал изолятора, и изучили подготовленные официальные отчеты и результаты медицинских осмотров заявителя, проведенных двумя врачами. Судебные власти проверили материалы прокурорской проверки и обеспечили присутствие в суде заявителя и его представителя. Суд не усматривает в имеющихся

материалах делах ничего, что позволило бы предположить, что подход властей в данном деле не имел своевременности, скорости или полноты.

103. Для Суда вышеизложенных соображений достаточно, чтобы сделать вывод о том, что расследование жалобы заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции было эффективным. Следовательно, не было нарушения статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

(с) События 14 октября 2002 года

(а) Замечания сторон

104. Власти заявили, что применение в отношении заявителя силы было, законным и оправданным. Заявитель не выполнил законные требования сотрудника изолятора и последний отреагировал соответствующим образом. Сотрудник изолятора надлежащим образом предупредил заявителя, что если тот откажется подчиниться, в отношении него может быть применена резиновая дубинка. Расследование, проведенное властями в ответ в утверждения заявителя о жестокое обращение, было эффективным в соответствии с требованиями процессуальной части статьи 3 Конвенции.

105. Заявитель указал в своей жалобе, что 14 октября 2002 года сотрудник В. ударил его резиновой дубинкой и что такое применение силы было чрезмерным (см. параграфы 42-56 выше).

(и) Оценка Суда

(а) Предполагаемое жестокое обращение

106. Суд усматривает, что сторонами не оспаривается тот факт, что 14 октября 2002 года у заявителя произошел конфликт с сотрудником следственного изолятора, который привел к применению силы в отношении заявителя. В частности, сотрудник В. один раз ударил заявителя резиновой дубинкой. Тем не менее, власти заявили, что применение силы в отношении заявителя было законным и оправданным, учитывая несоответствующее поведение заявителя.

107. В то время как Суд может принять тот факт, что заявитель вел себя агрессивно по отношению к сотруднику изолятора, он не убежден, что поведение заявителя оправдывало применение к нему резиновой дубинки.

108. Суд отмечает, что в отношении происшествия 14 октября 2002 года власти не предоставили никакого доказательства того, что заявитель являлся особенно опасным. Также власти не утверждали того, что заявитель нанес или мог нанести сотруднику изолятора травмы. Из решений властей ясно, что заявитель отказался от проведения личного обыска и начал "размахивать руками и кричать". Суд признает, что в этих обстоятельствах охраннику возможно было необходимо прибегнуть к физической силе с целью проведения обыска. Тем не менее, очевидно, что избивание заключенного дубинкой не привело к желаемому результату, который состоял в проведении обыска. По мнению Суда, в этой ситуации удары дубинкой являлись по существу формой карательной меры или физического наказания (см. дело "Дедовский и другие против России" (*Dedovskiy and Others v. Russia*), жалоба N 7178/03, пункт 83, 15 мая 2008 г.).

109. В этих обстоятельствах Суду следует убедиться, достигло ли обращение, на которое жалуется заявитель, минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под действие статьи 3. Суд принимает к рассмотрению медицинскую документацию, предоставленную сторонами, в которой описывается, что травма заявителя не причинила "вреда здоровью". Тем не менее, сам этот факт не может исключать возможности того, что данное обращение было достаточно жестоким для того, чтобы считаться бесчеловечным или унижающим достоинство. Суд заключает, что степень избивания свидетельствовала, что его травмы были достаточно серьезными, чтобы

рассматриваться как жестокое обращение по смыслу статьи 3 (см, дело Ассенов и другие, упоминавшееся выше, пункт 95).

110. Учитывая вышесказанное, Суд усматривает, что 14 октября 2002 года использование резиновой дубинки сотрудником учреждения с целью пресечения поведения заявителя и проведения обыска привело к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, что противоречит статье 3 Конвенции. Отсюда следует, что имело место нарушение материально-правового аспекта статьи 3 Конвенции.

(b) Адекватность расследования

111. Суд усматривает, что после жалобы заявителя, поданной в октябре 2002 года, власти провели расследование его утверждений о жестоком обращении. В то время как Суд принимает, что власти своевременно отреагировали на жалобу заявителя, он, тем не менее, не убежден, что данное расследование было достаточно тщательным в соответствии с требованиями статьи 3 Конвенции.

112. Нужно признать, что прокурор предпринял определенные меры для проверки достоверности предъявленных заявителем обвинений. Он допросил заявителя и сотрудников изолятора, участвовавших в происшедшем. Он изучил представленные ими отчеты и результаты медицинских осмотров заявителя врачами следственного изолятора и независимыми медицинскими специалистами. Затем он заключил, что действия сотрудника являлись законными.

113. Тем не менее, Суд не может согласиться с выводами прокурора. Он усматривает, что рассматриваемое национальное законодательство разрешает применение физической силы в отношении заключенных, только если альтернативные меры без применения силы невозможны (см. пункт 70 выше). Ни разу в ходе проверки прокурор не рассматривал вопрос о том, было ли использование резиновой дубинки действительно необходимо для предотвращения ненадлежащего поведения заявителя. Напротив, представляется, что прокурор безусловно принял тот факт, что использование резиновой дубинки было законным и отказал в удовлетворении жалобы заявителя на этом основании.

114. Суд также отмечает, что прокурор свои выводы основывал на пояснениях предполагаемого преступника. Тем не менее, он не принимал во внимание тот факт, что последний очевидно был заинтересован в исходе дела и в освобождении себя от ответственности.

115. Суд также отмечает, что утверждения заявителя затем подлежали рассмотрению судами двух уровней юрисдикции. В этом отношении Суд усматривает, что национальные суды по существу оставили выводы прокурора в силе. Они не вызвали заявителя или предполагаемого преступника для личного допроса и не предоставили заявителю возможности очной ставки с сотрудником В.

116. Для Суда вышеизложенных соображений достаточно, чтобы сделать вывод о том, что расследование жалобы заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции не может считаться эффективным. Таким образом, имело место нарушение процессуальной части статьи 3 Конвенции.

(d) События 5 августа 2003 года

(a) Замечания сторон

117. Что касается столкновения между заявителем и сотрудником изолятора Л., который имел место 5 августа 2003 года (см. пункты 57- 59 выше), власти указали, что применение силы к заявителю было строго необходимо и в любом случае не достигло границы строгости, указанной в статье 3 Конвенции. Утверждения заявителя подверглись тщательному рассмотрению со стороны властей, у которых не было возможности ответить от имени предполагаемого преступника.

118. Заявитель продолжал настаивать на своей жалобе.

(и) Оценка Суда

(а) Предполагаемое жестокое обращение

119. Суд усматривает, что стороны представили различные версии событий 5 августа 2003 года. Заявитель утверждал, что он был избит надзирателем Л. Тем не менее, власти указали, что применение силы к заявителю соответствовало закону. Надзирателю Л. вынужден был подавить сопротивление заявителя для того, чтобы провести обыск. В соответствии с медицинскими документами, через день после данного происшествия у заявителя был обнаружен кровоподтек на левом предплечье. В то время как Суд не исключает, что эта травма могла быть получена в результате применения силы к заявителю, тем не менее, он не убежден, что в обстоятельствах данного дела применение силы сотрудником изолятора Л. было чрезмерным и что оно достигло уровня минимального уровня жестокости, предусмотряемого статьей 3 Конвенции.

120. Суд принимает объяснения властей о том, что заявитель отказывался от выполнения законных распоряжений сотрудника изолятора и что по причине угрожающего поведения заявителя сотруднику изолятора необходимо было применить физическую силу, чтобы подчинить заявителя и обыскать его.

121. Учитывая вышесказанное, Суд не может заключить, что 5 августа 2003 года применение силы сотрудником изолятора с целью пресечения поведения заявителя привело к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, что противоречит статье 3 Конвенции. В то время как заявитель мог испытывать определенные моральные и физические страдания в результате данного происшествия, применение к нему силы не может быть признано чрезмерным. Отсюда следует, что нарушение материально-правового аспекта статьи 3 Конвенции отсутствует.

(b) Адекватность расследования

122. По мнению Суда, власти приняли все необходимые меры для проверки достоверности предъявленных заявителем обвинений. Они опросили заявителя и принимавших участие сотрудников изолятора и изучили документальные доказательства, включая медицинские заключения. Судебные органы ознакомились с материалами расследования, проведенного прокуратурой. Заявитель и его адвокат присутствовали на слушаниях. Суд не усматривает ничего в имеющихся материалах, что позволило бы предположить, что выводы властей в отношении утверждений заявителя были необоснованными или не имели доказательной базы.

123. Отсюда следует, что нарушение материально-правового аспекта статьи 3 Конвенции отсутствует.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ КАСАТЕЛЬНО УСЛОВИЙ ОДИНОЧНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ

124. Заявитель жаловался, что условия его одиночного заключения с 18 июня 2004 года по 22 марта 2006 года нарушали положения статьи 3 Конвенции. Он также утверждал, что в течение этого периода ему не оказывалась надлежащая медицинская помощь (см. параграфы 6363- 6666 выше).

A. Приемлемость

125. Без возражения о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, власти оспорили этот аргумент. Они утверждали, что заявитель был изолирован от других

заклученных по причинам безопасности, после того, как он задушил заклученного, содержащегося в его камере, и запугал других. Что касается предоставления медицинской помощи заявителю в течение рассматриваемого периода, они утверждали, что предоставление медицинской помощи соответствовало применимым стандартам. Заявитель имел регулярный доступ к медицинским специалистам и проходил необходимое лечение.

126. Заявитель продолжал настаивать на своей жалобе.

127. Суд отмечает, что в данной части жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

128. Суд ранее подвел итог своим выводам по делам в отношении лиц, содержащихся в одиночном заклучении в следующем порядке (см. дело "Онофриу против Кипра" (Onoufriou v. Cyprus), жалоба N 24407/04, от 7 января 2010 г.):

"69. Ранее Суд отмечал, что полная сенсорная изоляция, вкуне с полной социальной изоляцией, может разрушить личность и является формой бесчеловечного обращения, которое не может быть оправдано требованиями безопасности или какими-либо другими причинами (см. дело ""Екалан против Турции" (Ocalan v. Turkey) [GC], жалоба N 46221/99, пункт 191, ЕСПЧ 2005 IV; и "Илашку и другие против Молдовы и России" (Pisci and Others v. Moldova and Russia) [GC], жалоба N 48787/99, пункт 243, ЕСПЧ 2004-VII). В то время как длительный запрет на взаимодействие с другими людьми является нежелательным, попадает ли эта мера под действие статьи 3 Конвенции зависит от конкретных условий, строгости меры, ее продолжительности, цели и

последствий для соответствующего лица (см. среди прочего, дело "Кс. против Соединенного Королевства" (Xv. the United Kingdom), упоминаемое выше; и дело Роде, упоминаемое выше, пункт 93).

70. Наконец, во избежание какого-либо риска произвола, вытекающего из решения о помещении в одиночном заклучении, данное решение должно сопровождаться процессуальными гарантиями благополучия заклученного и пропорциональностью данной меры. Во-первых, решение о применении мер в виде одиночного заклучения должно приниматься только после принятия всех мер предосторожности, указанных в пункте 53.1 Европейских тюремных правил. Во-вторых, решение о применении мер в виде одиночного заклучения должно быть основано на подлинных основаниях, как *ab initio*, так и при продлении срока применения меры. В-третьих, решения органов должны позволить установить, что они провели оценку ситуации с учетом обстоятельств, ситуации и поведения заклученного, а также предоставить достаточные причины в поддержку подобного решения. Изложение причин должно быть максимально подробным и очевидным. Наконец, система регулярного мониторинга физического и психического состояния заклученного должна быть создана для того, чтобы удостовериться в том, что необходимость в одиночном заклучении сохраняется (см. дело Рамиреза Санчеса, указано выше, пункт 139)".

129. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что заявитель был помещен в одиночную камеру 18 июня 2004 года и содержался там до 22 марта 2006 года. Соответственно, его одиночное заклучение длилось больше одного года и девяти месяцев. Суд отмечает, что такой долгий период может сам по себе вызвать озабоченность по причине риска причинения вреда душевному здоровью. Тем не менее, при оценке того, была ли продолжительность такого заклучения чрезмерной в соответствии со статьей 3, Суд должен также принять во внимание условия содержания, включая рамки социальной изоляции (см. "Роде против Дании" (Rohde v. Denmark), жалоба N 69332/01, пункт 97, 21 июля 2005 г.).

130. Следует признать, что у властей имелись реальные причины для изоляции заявителя. Суд отмечает, что заявитель был помещен в одиночную камеру по распоряжению начальника изолятора после того, как заявитель задушил заключенного Г. в камере, где он содержался, и угрожал трем другим заключенным. В распоряжении было указано, что заявитель был помещен в одиночное заключение в ожидании расследования убийства Г. В этой связи Суд отмечает, что расследование уголовного дела было завершено и дело заявителя было передано в суд первой инстанции 12 октября 2004 года. Тем не менее, ни на данном этапе разбирательств, ни в какое-либо другое время впоследствии власти не рассмотрели вопрос об отмене меры одиночного заключения заявителя. Более того, ничего в заявлениях властей не позволяет предположить, что имелась надежная система, позволявшая не допустить содержание заявителя в одиночном заключении после санкционированного периода и предоставить ему возможность выражения его взглядов или оспаривания, по его желанию, решения о помещении его в одиночную камеру или продлении такого срока.

131. Соответственно, Суд заключает, что содержание заявителя в одиночной камере не сопровождалась процессуальными гарантиями, необходимыми для защиты от произвольного наложения чрезмерных ограничений условий одиночного заключения.

132. Что касается условий одиночного заключения заявителя, Суд отмечает недостаточность данных, предоставленных сторонами. Власти заявили, что заявитель содержался в удовлетворительных условиях и что предоставленное ему личное пространство превышало национальные стандарты в 1,5-2 раза. Даже в отсутствие утверждений о противоположном, признавая, что это соответствовало действительности, Суд, тем не менее, считает, что одиночное заключение заявителя не соответствует стандартам, предусмотренным статьей 3 Конвенции.

133. В этой связи Суд отмечает, что власти не вели надлежащий контроль за душевным здоровьем заявителя в течение рассматриваемого периода. Тот факт, что заявителю позволили проконсультироваться с психотерапевтом всего один раз почти за два года, указывает на отсутствие надлежащего контроля.

134. Суд не упускает из виду тот факт, что у заявителя имелась возможность регулярно встречаться со своим адвокатом и матерью. Тем не менее, одного этого факта недостаточно для того, чтобы Суд заключил, что одиночное заключение заявителя соответствовало положениям Конвенции.

135. Таким образом, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с в одиночным содержанием заявителя под стражей в изоляторе N ИЗ-38/1 в период с 18 июня 2004 года по 22 марта 2006 года.

136. С учетом вышеизложенного, Суд не считает необходимым рассматривать оставшуюся часть доводов заявителя в отношении утверждаемого непредоставления ему властями соответствующей медицинской помощи.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

137. Заявитель жаловался, что ни ему, ни его адвокату не была предоставлена возможность участия в заседании суда кассационной инстанции по вопросу продления его срока его содержания под стражей 19 мая 2005 года (см. параграф 2020 выше). Суд рассмотрит данную жалобу в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, кто лишен свободы в результате задержания или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным".

138. Власти указали, что заявитель, его адвокат и его мать, действующая в качестве его представителя, были надлежащим образом информированы о дате и времени заседания суда кассационной инстанции 19 мая 2005 года. Более того, заявитель, его адвокат и его мать присутствовали на судебном заседании 19 мая 2005 года, на котором они не просили суд

перенести слушание, чтобы предоставить им возможность принять участие в заседании суда кассационной инстанции по вопросу продления срока содержания заявителя под стражей. Так как заявитель не подал такой просьбы, заседание суда кассационной инстанции было проведено в отсутствие заявителя и стороны его защиты; в соответствии с заявлением властей, это не противоречило требованиям пункта 4 статьи 5.

139. Заявитель продолжал настаивать на своей жалобе.

140. Суд отмечает, прежде всего, что ситуация заявителя была очень индивидуальной. Он содержался под стражей по основаниям, существовавшим в связи двумя разными уголовными производствами. 17 марта 2004 года он был признан виновным в убийстве <1> и приговорен к 10 годам лишения свободы, впоследствии этот срок был сокращен до семи лет. Отбывая наказание, заявитель был обвинен в убийстве и он был помещен под стражу. Срок его содержания под стражей постоянно продлялся до его осуждения 29 июня 2005 года.

<1> Прим. перевод.: по материалам дела - ч. 4 ст. 111.

141. Соответственно, содержание заявителя под стражей в соответствующий срок относилось к подпункту "а" пункта 1 статьи 5 и подпункту "с" пункта 1 статьи 5 Конвенции. Тем не менее, его жалоба касалась только необеспечения властями его присутствия на заседании суда кассационной инстанции по вопросу продления срока содержания заявителя под стражей.

142. В обстоятельствах данного дела и, не рассматривая вопрос о том, имело ли рассмотрение вопроса о содержании заявителя под стражей какую-либо практическую цель, учитывая, что заявитель продолжал отбывать наказание и не мог быть освобожден, даже если бы гипотетически его содержание под стражей было бы признано незаконным, Суд не усматривает ничего в предоставленных материалах, что позволило бы усмотреть нарушение прав заявителя, указанных в пункте 4 статьи 5 Конвенции. По утверждению властей, заявитель и его представители были извещены о дате и времени заседания суда кассационной инстанции. Заявитель не обратился к судебным властям для обеспечения его присутствия на кассационном заседании. В таких обстоятельствах тот факт, что кассационный суд проводил заседание при отсутствии заявителя и/или его представителей, не свидетельствует о предполагаемом нарушении.

143. Следовательно, данная часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ КАСАТЕЛЬНО ДЛИТЕЛЬНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ПЕРВОМУ УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ

144. Заявитель жаловался на то, что длительность разбирательства по его первому уголовному делу не соответствовала требованию "разумного срока", установленному в пункте 1 статьи 6 Конвенции, которая гласит следующее:

"In the determination of... any criminal charge against him everyone is entitled to a ... hearing within a reasonable time by [a] ... tribunal..."

A. Приемлемость

145. Суд учитывает, что в данной части жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

B. Существо жалобы

146. Власти утверждали, что продолжительность уголовного процесса по первому делу в отношении заявителя была обоснованной. Данный вопрос являлся довольно сложным и требовал сбора и оценки существенных судебных доказательств. Более того, большинство задержек в производстве имели место по вине заявителя. Его адвокаты не присутствовали во многих случаях.

147. Заявитель продолжал настаивать на своей жалобе.

148. Суд повторяет, что обоснованность продолжительности судебного разбирательства должна оцениваться в свете обстоятельств дела и с учетом таких критериев, как сложность дела, поведение заявителя и соответствующих органов власти, а также личная заинтересованность заявителя в споре (см., среди многих других дел, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Пелисье и Сасси против Франции" (Pelissier and Sassi v. France), жалоба N25444/94, пункт 67, ЕСПЧ 1999-VII). Кроме того, основанием для установления факта несоблюдения требования "разумного срока" могут служить только те задержки, которые имели место по вине государства (см. "Педерсен и Баадсгаард против Дании" (Pedersen and Baadsgaard v. Denmark), [GC], жалоба N 49017/99, пункт 49, ЕСПЧ 2004-XI).

149. Суд отмечает, что заявитель был задержан 11 июня 1999 года. Суд принимает эту дату в качестве точки отсчета продолжительности производства по уголовному делу. Окончательное решение по данному вопросу было принято 27 декабря 2004 года. Соответственно, разбирательства по делу заявителя длились в течение пяти лет и трех с половиной месяцев - периода, который включал этап расследования и судебных разбирательств, в ходе которых данное дело рассматривалось судами двух уровней юрисдикции.

150. Суд считает, что рассматриваемое судебное разбирательство было до определенной степени сложным, учитывая количество обвиняемых и задачу властей по сбору и рассмотрению существенных судебных доказательств. Однако Суд считает, что сама по себе сложность дела не может служить оправданием общей продолжительности судебного разбирательства.

151. Тем не менее, Суд отмечает, что значительные задержки в ходе разбирательств имели место по вине заявителя. С 29 января по 9 июля 2002 года его адвокат не мог принять участие в разбирательствах. С декабря 2002 года по июнь 2003 года восемь слушаний из восемнадцати были перенесены по причине отсутствия адвоката заявителя или его матери и в одном случае заявитель ходатайствовал о переносе слушания в связи с состоянием его здоровья.

152. Что касается поведения органов власти, Суд удовлетворен тем, что они продемонстрировали достаточную степень усердия при ведении производства по делу. Этапы расследования и кассационного рассмотрения дела длились примерно по девять месяцев каждый, и такая продолжительность не представляется необоснованной. Слушания на этапе рассмотрения дела судом первой инстанции проводились регулярно и переносы заседаний по причине несоответствия графика работы судьи и ожидания подтверждения назначения судьи не имели значительного негативного влияния на продолжительность разбирательств в целом.

153. Оценивая в целом сложность дела и поведение сторон при производстве по делу, Суд считает, что продолжительность последнего не вышла за рамки обоснованной в данном деле.

154. Соответственно, по настоящему делу не было допущено нарушения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ОТСУТСТВИЯ ВОЗМОЖНОСТИ ОПРОСИТЬ СВИДЕТЕЛЕЙ

155. Заявитель жаловался о непредоставлении ему судебными властями возможности опросить экспертов, которые являются свидетелями, в ходе производства по второму уголовному делу в отношении него. Он ссылаясь на статью 6 Конвенции, соответствующая часть которой гласит:

"1. Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела ... судом

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет, как минимум, следующие права:

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него.

А. Приемлемость

156. Власти указали, что права заявителя в отношении принятия и оценки судебных доказательств не нарушались. Заявителю и его адвокату надлежащим образом сообщалось о решении следователя по сбору отчетов экспертов, и они имели достаточные возможности задавать вопросы экспертам. Они были ознакомлены с отчетами экспертов до заседания суда. Если бы они признали выводы экспертов неполными или противоречивыми, они могли попросить о дополнительной или новой судебной экспертизе.

157. Заявитель не предоставил каких-либо комментариев.

158. Суд повторяет, что не в его компетенции действовать в качестве вышестоящего суда, или, как иногда говорится, в качестве суда четвертой инстанции. Национальные суды оценивают достоверность свидетельских показаний и соответствие доказательств вопросам дела (см. в числе прочих, дело "Видал против Бельгии" (Vidal v. Belgium), от 22 апреля 1992 года, пункт 32, Серия А N 235-В, и дело "Эдвардз против Соединенного Королевства" (Edwards v. the United Kingdom), 16 декабря 1992 года, пункт 34, Серия А N 247 В).

159. Тем не менее, Суду надлежит выяснить, являлся ли способ получения доказательств законным (см. дело "Мантованелли против Франции" (Mantovanelli v. France), 18 марта 1997 года, пункт 34,

Отчеты 1997-11; и, с необходимыми изменениями, дело "Шенк против Швейцарии" (Schenk v. Switzerland), от 12 июля 1988 г., пункт 46, Серии А N 140). Поэтому принцип "законности" требует всех доказательств, которые могут быть обычно представлены в присутствии обвиняемого на публичном слушании с учетом аргументов в пользу противоположного.

160. Принимая во внимание обстоятельства данного дела, Суд усматривает, что заявителю была предоставлена возможность ознакомиться с решением следователя о сборе отчетов судебных экспертов, задавать вопросы экспертам и впоследствии оспаривать выводы экспертов, ходатайствуя перед следствием и/или судебными властями о сборе дополнительных или новых экспертных исследований, если бы он посчитал их необходимыми. Данный вопрос подлежал тщательному рассмотрению судом кассационной инстанции. В таких обстоятельствах Суд принимает тот факт, что отказ суда первой инстанции от вызова свидетелей-экспертов не нарушил права заявителя на защиту и что справедливость суда не пострадала от их отсутствия.

161. Из этого следует, что данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная в значении подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции.

VI. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ

162. Наконец, заявитель подал жалобы в соответствии со статьями 3, 5, 6, 13 и 34 Конвенции, касающиеся его содержания под стражей и уголовного производства в отношении него. Однако, с учетом всех доступных ему материалов и насколько данные жалобы относятся к его компетенции, Суд приходит к выводу, что отсутствуют признаки нарушения приведенных положений. Следовательно, в данной части жалоба подлежит отклонению как явно необоснованная в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

163. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

164. Суд обращает внимание, что в соответствии с правилом 60 Регламента Европейского Суда любые требования по справедливой компенсации представляются в подробном перечне по пунктам в письменной форме с приложением соответствующих подтверждающих документов или квитанций, "в противном случае Палата Суда вправе отказать в удовлетворении требования полностью или частично".

165. 4 июня 2009 года Европейский Суд предложил заявителю представить свои требования о справедливой компенсации к 6 августа 2009 г. Суд повторил данный запрос 9 октября 2009 года. Заявитель не подал какого-либо подобного иска.

166. При таких обстоятельствах Суд, как правило, ничего не присуждает. В данном случае, однако, Суд установил нарушение права заявителя не подвергаться бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Данное право является абсолютным и Суд находит исключительно возможным присудить заявителю выплату 7 500 евро в качестве компенсации морального вреда (см. дело "Чембер против России" (Chember v. Russia), жалоба N 7188/03, пункт 77, ЕСПЧ 2008, и дело "Чудун против России" (Chudun v. Russia), жалоба N20641/04, пункт 129, от 21 июня 2011 года, с дальнейшими ссылками), плюс любые налоговые сборы, которые могут быть наложены на заявителя.

167. Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной учетной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. Объявляет жалобы о предполагаемом жестоком обращении с заявителем в следственном изоляторе, его одиночном содержании под стражей и длительности производства по первому уголовному делу в отношении него приемлемыми, а остальные жалобы неприемлемыми;

2. Постановляет, что по настоящему делу отсутствует нарушение материального аспекта статьи 3 Конвенции в отношении утверждений заявителя о жестоком обращении с ним в отделении милиции 13 сентября 1999 г.;

3. Постановляет, что по настоящему делу допущено нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции в связи с неэффективностью расследования утверждений заявителя о жестоком обращении с ним в отделении милиции 13 сентября 1999 г.;

4. Постановляет, что по настоящему делу отсутствует нарушение материального аспекта статьи 3 Конвенции в отношении утверждений заявителя о жестоком обращении с ним в следственном изоляторе 12 апреля 2002 г.;

5. Постановляет, что по настоящему делу отсутствует нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции в отношении предполагаемого непроведения властями эффективного и тщательного расследования утверждений заявителя о жестоком обращении с ним в следственном изоляторе 12 апреля 2002 г.;

6. Постановляет, что по настоящему делу допущено нарушение материального аспекта статьи 3 Конвенции в отношении утверждений заявителя о чрезмерности примененной к нему 14 октября 2002 г. силы;

7. Постановляет, что по настоящему делу допущено нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции в отношении предполагаемого непроведения властями эффективного и тщательного расследования утверждений заявителя о том, что примененная к нему 14 октября 2002 г. сила была чрезмерной;

8. Постановляет, что по настоящему делу отсутствует нарушение материального аспекта статьи 3 Конвенции в отношении утверждений заявителя о том, что примененная к нему 5 августа 2003 г. сила была чрезмерной;

9. Постановляет, что по настоящему делу отсутствует нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции в отношении предполагаемого непроведения властями эффективного и тщательного расследования утверждений заявителя о том, что примененная к нему 5 августа 2003 г. сила была чрезмерной;

10. Постановляет, что по настоящему допущено нарушение статьи 3 Конвенции в отношении одиночного содержания заявителя под стражей с 18 июня 2004 г. по 22 марта 2006 г.;

11. Постановляет, что по настоящему делу отсутствует нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с чрезмерной длительностью производства по уголовному делу в отношении заявителя;

12. Постановляет:

(a) что в течение трех месяцев, со дня вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции государство-ответчик обязано выплатить заявителю 7 500 (семь тысяч пятьсот) евро в качестве компенсации морального вреда плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, подлежащая переводу в российские рубли по курсу на день выплаты;

(b) что по истечении вышеуказанного трехмесячного срока на названную выше сумму до момента ее выплаты подлежат начислению простые проценты в размере предельной учетной ставки Европейского центрального банка плюс три процента;

Составлено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 6 ноября 2012 г., в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен Секретарь

Нина Вайич Председатель